

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ. **ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ**

УДК 821.161.1.09-1

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА В ПРОЗЕ В. Л. КОНДРАТЬЕВА

Е. Д. Аксенова, А. А. Кузнецова, Н. В. Рюмшина

Тверская государственная медицинская академия
Кафедра русского языка

Статья посвящена аспекту форм времени и хронотопа в произведениях В. Л. Кондратьева. Неразрывность места и времени в художественном пространстве связана с такими категориями, как жанр, мотивы, образы произведения, а значит, является ценностным элементом пространственно-временного анализа.

Ключевые слова: временные и пространственные отношения, художественное пространство, историческая инверсия, историческое время, коллективное время, хронотоп пути

С точки зрения М. М. Бахтина, «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1, с. 234], или хронотоп, определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности. Таким образом, ученый и многие последователи его теории видели неразрывность места и времени в художественном пространстве; а понятием «хронотоп» связывали эти категории с жанром, мотивами, образами произведения. Это значит, что каждый выделяемый момент или мотив (под мотивом здесь понимается «любой элемент сюжета или фабулы (ситуация, коллизия, событие), взятый в аспекте повторяемости, т. е. своего устойчивого, утвердившегося значения» [2, с. 193–194]) являются ценностным элементом пространственно-временного анализа.

Сюжетное действие прозы В. Л. Кондратьева разворачивается на конкретно обозначенном географическом фоне: Дальний Восток («На сто пятом километре», «На станции Свободный»), Москва («Отпуск по ранению», «День Победы в Чернове», «Сашка», «Знаменательная дата», «Встречи на Сретенке», «Женька», «Дорога в Бородухино», «Привет с фронта», «Красные ворота», «Покушение», «Лихоборы», «Этот сорок восьмой...») и Ржевский район («На поле овсянниковском», «Селижаровский тракт», «Овсянниковский овраг», «Сашка», «Будни», «Житье-бытье», «День Победы в Чернове», «Борькины пути-дороги», «Искупить кровью», «Дорога в Бородухино», «Не самый тяжкий день», «Поездка в Демяхи», «Асин капитан», «Лихоборы», «Мы подвиги, увы, не совершали...», «Что было...»). Лишь одно произведение выходит за пределы привычной для произведений В. Кондратьева географической зоны – «Гошка, бывший разведчик», действие в котором происходит сначала в Минске, а потом в Острошицком городке; хотя главный

герой неоднократно вспоминает Москву, которую вынужден был покинуть. Такая ограниченность пространственного мира в прозе писателя концентрирует внимание на героях, их психологическом состоянии и тех событиях, в которых они участвуют.

Исходная точка сюжетного действия – Дальний Восток предвоенной поры и отправление оттуда на фронт; заключающая сюжетное движение точка – московская послевоенная жизнь и возвращение героев (физическое, как в рассказах «День Победы в Чернове», «Поездка в Демяхи», «Гошка, бывший разведчик», или духовное, как в произведениях «Знаменательная дата», «Встречи на Сретенке», «Красные ворота», «Этот сорок восьмой...») на места былых сражений – под Ржев. Между этими двумя пространственно-временными полями, которые представляются существенными событиями в жизни героев и имеют биографическое и историческое значение, развертывается все действие произведений В. Л. Кондратьева – ржевские бои 1941 – 1943 годов.

Прием «исторической инверсии» («изображается как уже бывшее в прошлом то, что на самом деле может быть или должно быть осуществлено только в будущем, что, по существу, является целью, долженствованием» [1, с. 297]), характерный для произведений писателя, реализуется по-новому: прошлое мыслится как настоящее, а будущее воспринимается как естественное продолжение прошлого. От прошлого образуются и строятся все временные конструкции произведений, именно оно измеряет «ценность» сегодняшнего и завтрашнего дня.

В. Кондратьев использует всевозможные приемы игры со временем: растягивает («Знаменательная дата», «Лихоборы», «Поездка в Демяхи», «Не самый тяжкий день», «Будни», «Дорога в Бородухино», «Искупить кровью», «Овсянниковский овраг», «Селижаровский тракт»), сжимает время («Что было...», «На поле овсянниковском», «Гошка, бывший разведчик», «Борькины пути-дороги»), меняет местами прошлое, настоящее и будущее («Привет с фронта», «Покушение», «Асин капитан»). В прозе в целом исчезают целые события (первый бой и первое ранение А. Шергина, его будущее после опасного второго ранения; судьба Сашки в мирной, послевоенной жизни; отношения Марка и Насти и т. д.), другие события выводятся за пределы действия произведений (гибель Лапшина; судьба Пахомова; отношения А. Коншина с женой и т. п.). Все действия В. Л. Кондратьева по отношению к категории времени субъективны, эмоционально насыщены. Та идея, которая ведет героев и автора по страницам произведений, структурирует все части прозы и определяет категорию времени в ней.

Время в произведениях В. Л. Кондратьева имеет не только историческую длительность, но и элементарно-биологическую, возрастную. Главных героев прозы мы встречаем восемнадцати–двадцатилетними в одних произведениях, а в других им уже около шестидесяти. Время точно вымерено и исчислено, а каждая часть прозы достаточно ясно датирована. В. Кондратьев изображает не исключительные, а обычные (в том числе и для военных лет) эпизоды человеческой жизни. Но именно они часто определяют как окончательный образ самого человека, так и его судьбу.

С самого начала нормальное, естественное течение бытового времени с мирными планами на будущее (возвращение в Москву, обучение в родном вузе, любовные мечты и чаяния) разрушено войной, и судьбы персонажей получают неожиданный и непредвиденный поворот: «О будущем? С 22 июня у нас нет его» [3, с. 6]. Теперь все надежды и устремления ограничиваются только временными, преходящими планами (переждать бомбардировку или минометный обстрел, выдержать бой, согреться, получить вовремя паек, выпасться и т. п.): «О себе, о Москве, о возможном возвращении я запрещаю себе думать здесь – это расслабляет, это ни к чему. Ни прошлого, ни будущего сейчас для нас не существует – только настоящее. Жестокое, вещное настоящее, в котором живем» [4, с. 123]. Ужасное (фронтное, военное) как бы нормализуется, становится чем-то *всеопределяющим* и почти естественным (не переставая быть ужасным): «Они обменялись адресами, и это, казалось бы, обычное дело сейчас приобретает совсем другой, чем в мирное время, смысл...» [3, с. 103]. Смерть, которая в обычных условиях воспринимается как трагедия, внезапно обрывающая естественный ход жизни, перестает быть неожиданностью. К ней готовы и относятся как к естественному продолжению происходящего: «Нашей бригаде, ежели будет она наступать, жить от силы месяц – полтора... Пехота – матушка...» [6, с. 11]. Правда, герои и стремятся порой воспротивиться этому, чувствуя свою ответственность за происходящее, пытаясь соединить разорванные звенья нормального хода жизни, вырваться из пространства, в котором правят антигуманные законы военного времени, и вернуться к обычной, нормальной жизни. Отсюда и естественная радость от ранения, которую не могут скрыть даже положительные герои произведений В. Л. Кондратьева (Сашка, Коншин, Канаев, Жора и др.). Ранение (а значит, и госпиталь, то есть подобие мирной жизни) становится для них необходимой передышкой перед очередным этапом «невпроворотной» фронтной жизни. Однако в ситуации непосредственного выбора между благополучным существованием в тылу и страшным, но столь необходимым для победы военным бытием они уверены в своем решении. Андрей Шергин, Алексей Коншин сами «строчат докладные» и с мирного Дальнего Востока просятся на фронт, потому что «самым страшным казалось – вдруг война мимо» [4, с. 115]. Борька Красиков, пострадавший в немецком окружении, в плену, в русском лагере, с завистью провожает взглядом солдат, направляющихся на передовую, и мечтает оказаться там, чтобы опять почувствовать себя достойным сыном Отчизны: «Невозможно русскому человеку спастись одному, оставляя сотоварищей» [4, с. 115].

Военное время – «время коллективное», так как измеряется только событиями общей, народной жизни. И хотя в большей части произведений цикла «индивидуальное время» легко выделяется, а в нескольких рассказах и повестях («Привет с фронта», «Сашка», «Отпуск по ранению», «Борькины пути-дороги», «Женька», «Асин капитан») становится ведущим, но главным для прозы В. Л. Кондратьева в целом остается «коллективное». Военное время объединило индивидуальные судьбы в единую, вырабатывая у героев особое ощущение времени.

В произведениях, относящихся к московской жизни героев, когда их личное время индивидуализировалось и отделилось от времени коллективной

исторической жизни, когда появились разные масштабы для измерения событий частной жизни и событий истории, ощущение единства времени, которое было свойственно произведениям дальневосточного и ржевского периода, становится еще значительнее: «Здесь не было благополучных людей: плохо заживающие раны, и телесные, и душевные, разлады в семьях, нищенские пенсии, неустроенность в жизни, и мне было как-то легче среди них» [8, с. 13]. И хотя сюжетно время размножилось, оно осталось единым: «Собственная беда заставила меня всерьез задуматься о судьбе моего поколения. Сохранились ли у нас силы, воля, разум? Или все осталось там, на войне, так поднявшей и возвысившей наши гражданские чувства, но вымотавшей нас до предела?...» [9, с. 47]. Можно сказать, что перед нами новая форма времени, но она также максимально устремлена к прошлому, к тому времени, которое и раньше было главным в произведениях В. Л. Кондратьева. Все новое, все изменения в будущем совершаются с оглядкой на события 1941 – 1943 годов, и действия в настоящем также определяются Ржевом, который выступает не только как пространственно-временной, но и как эмоционально-духовный центр.

В. Кондратьев не боится контраста разделенных временем точек зрения. Отдельный законченный текст в прозе представляет не заверченный в себе внутренний мир, а только часть его. Он находится во взаимодействии с другими текстами, границы между которыми устанавливаются через перенос в пространстве, перерыв во времени. Писатель уверен в том, что сознание читателя благодаря такому художественному приему сможет получить исторический опыт, социально-психологическое знание о времени и о себе. Пребывание в пространстве истории рождает в авторе чувство неоплатного долга перед прошлым и нравственной оценки современности. Прошлое и настоящее – это не только разные исторические отрезки, но и разные этические реальности.

«Пошел по Сретенке... Дойдя до кафе, я почти машинально открыл дверь и вошел – гомон разговоров, дымно и душно. Заказал стакан портвейна и присел за столик.

За моим столиком сидели парень с девицей. Потягивали вино и молчали. Потом наконец, вздохнув, она сказала: «Какие мокасины вчера в Щербаковском давали...» – «Да? – немного оживился парень. – Сколько?» – «Тридцать пять рэ». И опять замолчали. Причем надолго.

Я допил стакан. В голову малость ударило, и я стал думать, что есть все же причина, почему меня тянет так подо Ржев. Было там, наверно, самое важное и главное...» [4, с. 408]. Пространственно находясь в одном месте, за столиком кафе, эти герои (безымянный повествователь и парень с девушкой) отделены друг от друга не только временными границами, но и нравственно-этическим барьером, разными духовными ценностями. Интересы молодых людей весьма ограничены: «мокасины в Щербаковском» – это единственно, что смогло отвлечь от «потягивания» вина и вызвать некое оживление у молодого человека. Суженное диалогическое пространство (товар – место продажи – стоимость) только подчеркивает внутреннюю пустоту диалога и снижает образы («парень с девицей»), обостряя авторскую оценку этих персонажей повести. Гуляя по Сретенке, рассказчик мысленно пребывал в

своем фронтовом прошлом – под Ржевом. И, оказавшись в кафе, он только на несколько минут окунулся в реальность 1961, но, оценив ее с ретроспективной точки зрения, опять вернулся в прошлое, более достойное, в котором он совершил «самое важное и главное» в своей жизни: «Да... была жизнь... – протянул мой приятель дрогнувшим голосом.

– Была... – согласился я» [4, с. 418]. Настоящее – это только бесполезная суета (любовница Дина и многие другие нелюбимые женщины, победа в конкурсе плакатов, заказные работы, знакомство с модным художником), ценность которой, подобно паре мокасин, весьма ничтожна. Однако в его жизни был небесполезный «отрывок», и главный герой рассказа «День Победы в Чернове» горд тем, что, в отличие от случайных молодых знакомых, ему есть о чем поговорить и что вспомнить. «Нравственность, обретенная солдатами на войне, является той высотой, на которой надо удержаться всей жизнью, всей деятельностью мирного времени» [10, с. 123], – уверены герои произведений В. Л. Кондратьева. С одной стороны, они испытывают чувство вины и ответственности за обретенное право жить. С другой стороны, герои гордятся своей ролью в том военном времени, когда их поступки, действия имели общенациональный смысл и характер.

«Надо», «должен» – неотъемлемые императивы поведения героев и наиболее частые характеристики того периода. Они вступают в свои права тогда, когда нормальный или причинно осмысленный ход событий прерывается: «...Сашка все эти страшные два месяца только и делал, чего неохота. И в наступления, и в разведки – все это через силу, преодолевая себя, заколачивая страх и жажду жить вглубь, на самое доньшко души, чтоб не мешали они делать ему то, что положено, что *надо* (здесь и далее выделено авт. – Е. А., А. К., Н. Р.). Но сейчас-то это *надо* не так уж обязывало, потому как раненый он и имел право распоряжаться собой по-своему и *надо* ему топтать поскорей по этой тропке, которая в тыл, которая к жизни, да поторапливаться, пока тихо, пока силы есть» [4, с. 207–208]. Так, форма и степень необходимости оказываются неодинаковы в различных произведениях и соответственно переосмысливаются персонажами. Но главное то, что эта необходимость определяется самими героями, их характером, чувством ответственности, которая и является основой всего этого ряда: «...герой и его жизнь поверяются историей «напрямую», история вторгается в жизнь героя, становится с ним лицом к лицу» [11, с. 148]. Все временно-пространственные отношения в прозе В. Л. Кондратьева связаны друг с другом и такие мотивы, как встреча – расставание, потеря – обретение, узнавание – неузнавание и другие, по природе своей ярко «хронотипичны», эмоционально окрашены, т. к. включают в себя «ценностный момент».

Историческая действительность (Ржевский район 1941 – 1943 гг.) – сцена, на которой раскрываются характеры и разворачиваются судьбы героев прозы В. Л. Кондратьева; она «дает повод для проявления характера в поступках и в словах, но лишена определяющего влияния на самый характер, не формирует, не создает его, она лишь актуализует его» [1, с. 291]. При этом актуализирует не просто черты индивидуального характера героя, но и общие национальные черты русского народа, и собирательного образа – поколения 1920 – 1922 гг. рождения, различные свойства которого подбираются из разновременных

событий и случаев жизни персонажей прозы. Другими словами, путь раскрытия характера ведет не к изменению его в связи с исторической действительностью – Великой Отечественной войной, а только к завершению его, то есть только к восполнению той формы собирательного образа, который был задуман В. Л. Кондратьевым с самого начала. Параллельно с индивидуальными рядами жизней, складывается ряд исторического времени, в котором протекает жизнь нации, государства. Конкретные формы восприятия этого времени и событий в нем сливаются с индивидуальными рядами жизни.

Так, время становится необходимым художественным элементом анализа. В. Л. Кондратьев считает, что встреча поколений и времен позволяет человеку ощутить себя наследником прошлого и осознать свою ответственность перед будущим, рождает чувство истории, которое тесно связано с патриотизмом; и в этом ощущается неразрывность эстетического и этического начал прозы В. Л. Кондратьева. Только так (ретроспективно – в прошлое, перспективно – в будущее) человек должен представлять свою жизнь, ведь «в той задаче самоусовершенствования, которая постоянно стоит перед человеком, не обойтись без опыта, который содержится в истории человека, каким бы далеким и наивным, на наш взгляд, целям ни служили нравственные черты предков» [13, с. 182].

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе [Текст] // Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Худож. литература, 1975. – 504 с.
2. Теория литературы [Текст] : в 2 т. ; под ред. Н. Д. Тмарченко. – М. : Академия, 2004. – Т. 1. – 512 с.
3. Кондратьев, В. Л. Сашка: Повести и рассказы [Текст] / В. Л. Кондратьев. – М. : Сов. писатель, 1981. – 504 с.
4. Кондратьев, В. Л. На поле овсянниковском: Повести. Рассказы [Текст] / В. Л. Кондратьев ; послесл. Л. Лазарева. – М. : Известия, 1985. – 576 с.
5. Кондратьев, В. Л. Сороковые... : Рассказы и повести [Текст] / В. Л. Кондратьев. – М. : Современник, 1988. – 464 с.
6. Кондратьев, В. Л. Селижаровский тракт: Повести, рассказы [Текст] / В. Л. Кондратьев. – М. : Сов. писатель, 1985. – 368 с.
7. Кондратьев, В. Л. Искупить кровью [Текст] / В. Л. Кондратьев // Знамя. – 1991. – № 12. – С. 33–83.
8. Кондратьев, В. Л. Покушение [Текст] / В. Л. Кондратьев // Честь имею. – 1994. – № 1–2. – С. 11–22; № 2–3. – С. 11–21.
9. Кондратьев, В. Л. Этот сорок восьмой ... [Текст] / В. Л. Кондратьев // Сельская новь. – 1989. – № 6. – С. 42–47.
10. Панченко, Н. А. Памятью сердца (о жанрово-стилевых особенностях повести В. Кондратьева «День Победы в Чернове») [Текст] / Н. А. Кондратьев // Взаимодействие метода, стиля и жанра в советской литературе ; отв. ред. Н. Л. Лейдерман. – Свердловск : СГПИ, 1988. – С. 122–128.
11. Павловский, А. Памятный след [Текст] / А. Павловский // Нева. – 1985. – № 5. – С. 148–153.
12. Дорош, Е. Живое дерево искусства [Текст] / Е. Дорош ; предисл. И. Золотусского. – М. : Искусство, 1967. – 270 с.

**THE PECULIAR PROPERTIES OF CHRONOTOPE IN PROSE
OF V. L. KONDRATIEV**

E. D. Aksenova, A. A. Kuznechova, N. V. Rumshina

Tver State Medical Academy
The department of Russian language

The article is devoted to the aspect of the time form and chronotope in the works of V. L. Kondratiev. Continuity of time and place in the artistic space associated with such categories as genre, theme, images of the work, and therefore is an evaluative element of the space-and-time analysis.

Key words: *time-and-space relations, art space, historic inversion, historical time, collective time, chronotope of path*

Об авторах:

АКСЕНОВА Екатерина Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверской государственной медицинской академии (170100, Тверь, ул. Советская, д. 4), e-mail: katrintver@mail.ru

КУЗНЕЦОВА Анжелика Алимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверской государственной медицинской академии (170100, Тверь, ул. Советская, д. 4), e-mail: lapa93@list.ru

РЮМШИНА Наталия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверской государственной медицинской академии (170100, Тверь, ул. Советская, д. 4), e-mail: nata1904@yandex.ru